

В.В. Морковкин
vavemor@yandex.ru

д-р филол. наук, профессор,
гл. научный сотрудник
Государственного института русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

О деривационно-порождающей энергии слова

Ментально-лингвальный комплекс, энергии слова, деривационно-порождающая энергия слова, формально-семантическая экспансия слова, содержательное самоусложнение слова, формальное самообновление слова.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с выяснением источников энергии языка, приводится перечень энергий слова, подробно представлены такие проявления деривационно-порождающей энергии слова, как его формально-семантическая экспансия, содержательное самоусложнение и формальное самообновление.

Язык в том виде, в каком мы его воспринимаем (т.е. и язык вообще, и его конкретная этническая реализация), представляет собой живое и в определенном смысле мистическое образование, определяющее само существование человека как субъекта когнитивной, коммуникативной, общественно-исторической и культурной деятельности. Столь выдающаяся роль языка в жизни человека и общества объясняется тем, что он (язык) обладает огромной и постоянно пополняемой энергией. Источник этой энергии открывается нам при рассмотрении языка как ипостаси так называемого ментально-лингвального комплекса.

Ментально-лингвальный комплекс (МЛК) — это функционирующая на основе человеческого мозга самоорганизующаяся трехипостасная информационная система, которая обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу информации. Ипостасями МЛК человека являются мышление, сознание и язык. Мышление — динамическая ипостась. Оно представляет собой постоянно протекающий в мозгу процесс мыслепоро-

ждения, выработки сверхчувственного знания о предметах, свойствах и отношениях. Мышление включается у человека в момент рождения и выключается только в момент смерти его мозга. Сознание — накопительно-оценочная ипостась. Оно ответственно за интериоризацию в форме информационных сгущений (т.е. информем) и оценку фрагментов окружающего мира, формирование и структурирование знания, которым человек обладает в каждый данный момент. Язык — инструментальная, этнокогнитивная и коммуникативная ипостась. Он обеспечивает, во-первых, ориентированную на нужды мышления дискретизацию информационных потоков, абсорбируемых языковой личностью, во-вторых, этнокогнитивное оязыковление человека, в-третьих, возможность коммуникации, т.е. обмена информационными состояниями как между людьми, живущими здесь и сейчас, так и между ними и представителями ушедших и грядущих эпох.

Помимо функционального несходства, сущности, составляющие ментально-лингвальный комплекс, различаются еще в

одном весьма важном и имеющем далеко идущие последствия отношении. Если ментальные ипостаси, т.е. мышление и сознание, являются индивидуальной, неотъемлемой принадлежностью каждой отдельной языковой личности, то язык ей не принадлежит. Язык принадлежит соответствующему этносу, взятому в панхроническом измерении. Он входит в МЛК каждого отдельного человека «на правах аренды». Посредством усваиваемого языка в МЛК человека транслируется огромное количество зафиксированной в его единицах и категориях информации. Взамен, благодаря ипостасному устройству МЛК, все, что добывается, осмысливается, классифицируется и оценивается его ментальными ипостасями, т.е. мышлением и сознанием, сжимается (архивируется) и откладывается в единицах (прежде всего словах) и структурах этнического языка, становясь таким образом достоянием всех его носителей.

Несколько огрубляя существо дела, язык можно представить состоящим из слов и механизма предикации. Слова именуют реальные и ментальные отдельности, предикация обеспечивает создание с помощью слов осмысленных сообщений в форме глагольных и именных высказываний. Таким образом, употребление языка есть организуемое предикацией употребление его слов. Слова — одухотворенная плоть языка, когнитивные щупальца, с помощью которых языковая личность постоянно исследует противостоящий ей мир. Будучи базовыми элементами номинации, слова выступают в качестве хранителей информационного тезауруса этноса. Каждое использование слова (продуктивное или рецептивное — неважно) означает его пропускание, «процеживание» через МЛК соответствующей языковой личности. Значение такого рода «процеживания» невозможно переоценить, поскольку именно в ходе его осуществления происходит событие, определяющее само существование слова и языка в целом. Суть этого события состоит в сообщении слову (впрыскивании в него) определенного количества энергии, источником которой является ипостасно связанное с языком постоянно функциони-

рующее мышление. Дело в том, что любая коммуникативная деятельность, как межличностная, так и осуществляемая в форме внутренней речи или даже только в форме размышления (т.е. по Платону — диалога с самим собой), связана с определенным интеллектуальным напряжением и обусловленным им выбросом ментальной энергии. Такого рода энергия, вследствие ипостасного сопряжения мышления и языка, неизбежно улавливается и присваивается последним, сообщая ему необходимую жизненную силу.

Это означает, что язык существует, функционирует и развивается за счет использования психической, в том числе ментальной, энергии его носителей, которая может рассматриваться как его своеобразный *perpetuum mobile*. Равным образом и слово, центральная единица языка, проявляется, осознается и воспринимается во всем многообразии своих предназначений именно благодаря своей энергичной заряженности. В содержательном отношении эта заряженность неоднородна, что обусловлено существенным несходством различных свойств слова. В частности, к основным присущим слову видам энергии относятся денотативная, аксиологическая, системно-парадигматическая, комбинаторная и, что нас прежде всего интересует в настоящем рассуждении, деривационно-порождающая [3].

Деривационно-порождающей я называю заключенную в словах энергию, позволяющую им осуществлять (при посредстве человека, разумеется), во-первых, формально-содержательную экспансию, во-вторых, содержательное самоусложнение и, в-третьих, формальное самообновление.

Лингвистическая судьба перечисленных сфер проявления деривационно-порождающей энергии слова различна. Наиболее благосклонной она оказалась по отношению к формально-содержательной экспансии слов. В основе такого рода экспансии лежит обусловленная деривационно-порождающей энергией постоянная мотивационная готовность всякого слова, т.е. его готовность по первому требованию извне вступить в разрешенные языковой системой взаимодействия с имеющимися в структуре других

лексических единиц словообразовательными аффиксами и стать таким образом производящей базой нового слова. На практике формально-содержательная экспансия слов состоит в их деривационном ветвлении, т.е. в появлении на их основе все новых и новых производных лексических единиц. Исследование этого замечательного во всех отношениях процесса ведется, как известно, в рамках словообразования, которое усилиями Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, А.Н. Тихонова, Е.А. Земской, И.С. Улуханова, В.В. Лопатина, Е.С. Кубряковой и ряда их предшественников и последователей к середине прошлого века даже стало восприниматься как отдельная лингвистическая дисциплина. К числу наиболее заметных теоретических результатов словообразовательных штудий относятся, во-первых, далеко идущее по своим последствиям разделение словообразования на диахронное (оно ориентировано на язык, понимаемый как гумбольдтовская *'ενέργεια*, и нацелено на выяснение реальной истории и реального истока каждого слова) и синхронное (оно ориентировано на язык, понимаемый как гумбольдтовский *'έρουον*, и нацелено на выяснение словообразовательных соотношений и зависимостей между словами именно в данный период времени), во-вторых, выделение словообразовательной мотивации в качестве центрального понятия синхронного словообразования, в-третьих, установление принципиально бинарного характера непосредственной словообразовательной структуры всякого производного слова (последнее всегда состоит из двух частей: производящей базы, отсылающей к производящему слову или производящим словам, и форманта, определяющего семантическую отдельность производного слова), в-четвертых, определение понятия словообразовательная система и выявление ее основных классификационных единиц – словообразовательного типа и словообразовательного гнезда, в-пятых, введение и разработка понятия «словообразовательное значение», в-шестых, классификация способов словообразования, в-седьмых, исчисление морфонологических изменений (линейных и нелинейных)

основы производящего слова и некоторые другие. Самым крупным теоретико-практическим достижением исследования деривационно-порождающей энергии слова в части его формально-содержательной экспансии явился созданный А.Н. Тихоновым во второй половине прошлого века двухтомный «Словообразовательный словарь русского языка» (СТ).

Содержательное усложнение слова, как и его формально-содержательная экспансия, обусловлено воздействием той же деривационно-порождающей энергии. Оба эти процесса являются ответом на исходящий извне ономаσιологический запрос на новые языковые единицы для обозначения установленных, но еще не имеющих имени смысловых отдельностей (информем). Но если формально-содержательная экспансия слов происходит за счет включения свойственного им словопроизводственного механизма, то в случае их содержательного усложнения в дело вступает основанный на асимметричной двуплановости лексических единиц тропеический по природе механизм их содержательного развертывания. Этот механизм, обеспечивающий увеличение семантического разнообразия слов за счет образования у них новых лексических значений, принято называть семантической деривацией.

Семантическая деривация как факт и процесс расширения номинативных возможностей лексических единиц осуществляется благодаря заключенной в них деривационно-порождающей энергии. В структурном отношении семантическая деривация, как и ее словообразовательный прототип, трехчленна. Она состоит из производящего значения слова, производного значения и лингвистического средства, преобразующего первое во второе. Поскольку в функциональном отношении это средство аналогично словообразовательному форманту, я называю его семантическим формантом. Семантический формант – это смыслопреобразовательное лингвистическое средство, позволяющее на основе одного значения слова получить тропеически связанное с ним другое его значение. Поскольку все выделяемые в науке виды тропеических преобразований

семантики лексических единиц с известной, но вполне допустимой долей огрубления могут быть сведены к двум – языковой метонимии и языковой метафоре, то именно они и являются главными семантическими формантами, обеспечивающими осуществление семантической деривации. При этом языковая метонимия отражает практически все виды смежности именуемых объектов (пространственную, временную, событийную, ситуативную, причинно-следственную, инструментальную, гипонимо-гиперонимическую, синекдохическую, энантиосемическую и др.), а метафора предъясвляет разнообразие типов их сходства (в том числе и сходство по функции). Таким образом, если семантическая деривация – один из видов проявления деривационно-порождающей энергии лексических единиц, то семантический формант – это более или менее универсальный (метонимия) либо в значительной степени национально особенный (метафора) способ такого проявления.

Следует сказать, что проблема содержательного усложнения слов в форме развития у них производных значений одна из наиболее традиционных для отечественной лингвистики. Показательно, что еще в начале XX в. содержание лексикологии как таковой сводилось прежде всего к изучению изменений значений слов, т.е. к развитию лексической многозначности¹. Высокий научный статус этой проблемы весьма выразительно подчеркивается вовлечением в ее всестороннее обсуждение таких исследователей, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Анна А. Зализняк, С.Д. Кацнельсон, Г.И. Кустова, Г.Н. Скляревская, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев и др.²

¹ Ср. определение термина «лексикология» в 26-м томе известного энциклопедического словаря Гранат: Лексикология – «область языкознания, изучающая лексический материал языка, т.е. состав слов, их происхождение, изменение и эволюцию их значения в связи с развитием языка» (СГ: 632).

² Интересный и весьма информативный обзор идей, высказанных по поводу лексической многозначности в целом и семантической деривации в частности, представлен в диссертационном исследовании А.И. Ольховской [5].

Третьей областью преимущественного проявления деривационно-порождающей энергии слова является формальное самообновление лексических единиц. Такое самообновление носит постоянный характер, но осуществляется не ступенями, а постепенно, вследствие чего рядовой носитель языка его обычно не замечает. Очевидным для говорящего оно становится только тогда, когда он с удивлением (а порой и с раздражением) обнаруживает, что некое хорошо знакомое ему слово в устах другого человека, в предлежащем тексте или словаре предстает как бы несколько поврежденным. Так, открыв в Интернете какой-нибудь старый объяснительный словарь русского языка, внимательный читатель очень скоро непременно наткнется взглядом на определенное хорошо известное ему слово, представленное в узнаваемой, но какой-то непривычной форме. Такого рода «знакомыми незнакомцами» могут быть, например, *автогр'аф* (СА 1847), *'алфа* (СА 1789), *амф'ора* (СА 1891), *анат'омик* (СА 1789), *бальс'ам* (СА 1789), *банкр'ут* (Нор. 1780), *бел'иберда* (СД 1880), *бер'есто* (СА 1789), *диагн'оз* (БАС), *евн'ух* (СА 1789), *к'ондовый* (СА 1847), *конф'етти* (СА 1912), *м'аслина* (Полик. 1704), *серт'ук* (Нор. 1780) и др. Менее остро, но все же безразлично просвещенный носитель языка прореагирует, вероятно, и на услышанные им в разговоре или по радио такие разновидности иначе усвоенных им слов, как *акцелер'ация*, *детект'ив* [д'; т'], *долл'ар*, *изобр'етение*, *кон'ечно* [ч], *корт'еж* [т'], [черное] *к'офе*, *санат'ория*, *'эксперт*, *что* [ч] и др. Как в той, так и в другой ситуации мы являемся свидетелями встречи носителя языка с явлением нормативного или ненормативного формального варьирования слова.

Формальное варьирование, являющееся наглядным проявлением основанной на деривационно-порождающей энергии языковой эволюции, предъясвляет себя на всеобщее обозрение одновременным функционированием в языке двух или более разновидностей одной и той же языковой единицы. В нашем случае такого рода разновидности суть формальные варианты слова, т.е. характеризую-

ющиеся несодержательными различиями видоизменения одного и того же слова, одной и той же словоформы, которые способны замещать друг друга в свободных словосочетаниях без изменения смысла последних. Проблема формального варьирования лексических единиц и их словоформ уже была объектом подробного рассмотрения в одной из наших предыдущих работ [4: 273–284]. В кратком изложении предложенный в указанной работе подход состоит в следующем. Базовыми координатами, определяющими содержательную специфику формального варьирования вообще и формальных вариантов в частности, являются такие понятия, как вариантообразующий элемент, типология формальных вариантов слова, вариантное гнездо и нормативно-стилистическое качество компонентов вариантных гнезд.

Вариантообразующий элемент (ВЭ) – это переменный (т.е. допускающий варьирование) элемент материальной оболочки слова или словоформы, разная реализация которого обуславливает их существование в виде формальных вариантов. В качестве ВЭ могут выступать: а) переменный (варьируемый) характер определенной фонемы в составе звуковой оболочки слова; б) переменный (варьируемый) характер определенной словоизменительной или формообразовательной морфемы; в) неоднозначная (переменная) категориальная атрибуция слова; г) нефиксированное (переменное) место основного ударения; д) переменный (варьируемый) характер произношения определенных фрагментов звуковой оболочки слова; е) не фиксированный однозначно (переменный) характер написания слова; ж) квазисловообразовательный характер форманта производного слова; з) ненормативный характер восполнения лакуны в морфологической парадигме слова.

Построенная с опорой на вариантообразующие элементы система формальных вариантов включает в себя фонемные (*акушёр // акушер, галоши // калоши*), морфологические (*безнравствен // безнравственен, щупальца // щупальцы*), морфолого-классификационные (*вольер м. // вольера ж., ставня ж. // ставень м.*), акцентные (*бармен // бармен,*

украинский // украинский), акцентно-фонемные (*берёста // берест'а*), акцентно-морфологические (*выговоры – выговор'а*), произносительные (*генетика [нэ // н'е], свирель [св' // с'в']*), вскакивать [*к'и // кэ*], *гомеопат [э // о]*), орфографические (*медиаброкер // медиа-брокер*), квазисловообразовательные (*воробушек // воробышек*) и так называемые фантомные варианты, в пределах которых нормативная нулевая разновидность определенной словоформы варьирует с ненормативной материально выраженной ее разновидностью (ср., 1-е л. ед. ч. настоящего времени глагола *дудеть: Ø // дудю*).

Формальные варианты одной и той же словоформы образуют вариантное гнездо. Количество вариантов, составляющих определенное вариантное гнездо, характеризует его мощность. Абсолютное большинство вариантных гнезд включает в себя два формальных варианта, например, *алког'оль // 'алкоголь, безногий [г'ий // гэй]* и т.п. Большой мощностью обладают такие, например, гнезда, как *пролит'а // пр'олита // прол'ита, нажил'а // н'ажила // наж'ила* и некоторые другие. В зависимости от того, какая часть морфологической парадигмы слова охвачена формальным варьированием, различается цельнопарадигматическое варьирование (однотипно варьируют все словоформы), частичнопарадигматическое варьирование (варьируют не все словоформы, а какая-то их часть) и элементное варьирование (варьирует отдельная словоформа). Примером цельнопарадигматического варьирования может служить морфологическая парадигма слова *матрас*, в пределах которой однотипно варьируют все двенадцать словоформ: *матрас // матрац, матраца // матраца, матрацу // матрацу* и т.д. Частнопарадигматическое варьирование характерно для слова *бойлер*, у которого однотипному варьированию подвержены шесть словоформ, составляющих полупарадигму множественного числа: *б'ойлеры // бойлер'а, б'ойлеров // бойлер'ов, б'ойлерам // бойлер'ам* и т.д. Элементное варьирование наблюдается, к примеру, у прилагательного *смутный* (варьирует только

краткая форма женского рода *см'утна // смутн'а*).

Формальное варьирование, как не раз отмечалось в научной литературе, – «это прямое следствие исторического развития, эволюции языка» [2: 19]. Коль скоро это так, важнейшей характеристикой вариантных гнезд следует признать нормативно-стилистическое качество входящих в них формальных вариантов. С учетом указанного фактора вариантные гнезда допускают первоначальное разделение на нормативно-нормативные, нормативно-ненормативные и ненормативно-ненормативные. Отставив в сторону последнюю разновидность, охарактеризуем в кратких словах первые две.

К нормативно-нормативным относятся вариантные гнезда, которые состоят из формальных вариантов, не выходящих за пределы литературной нормы. Поскольку, однако, понятия «норма» и «нормативность» относятся к числу оценочных и, следовательно, допускающих шкалирование, нормативно-нормативные гнезда в зависимости от качества составляющих их вариантов в свою очередь можно разделить на паритетно-нормативные и непаритетно-нормативные. Паритетно-нормативными являются вариантные гнезда, объединяющие вполне равноправные нормативные варианты (в словарях они обычно соединяются союзом «и»), например, *кенар // кенарь, трактор'а // тр'акторы, дружественный [ств', с'т'в']*, *в'ехать [в // в']* и др. Непаритетно-нормативными являются вариантные гнезда, состоящие из нормативных формальных вариантов, один из которых признается основным, а другой на его фоне – неосновным, коннотативно отмеченным. Такого рода совместимая с нормативностью коннотативная отмеченность может носить временной (положительная либо отрицательная динамика) и / или стилистический характер (в словарях подобные формальные варианты часто соединяются указанием «и допустимо»), например, *свеж'айший // устаревающее свеж'ейший, вексел'я // устаревающее в'ексели, ан'гел [нг'// устаревающее н'г']*, *стр'анн'а // с оттенком разг. стр'анна, по'эт [па // с оттенком книжн. по] и т.д.*

Нормативно-ненормативными являются вариантные гнезда, состоящие из одного нормативного формального варианта и одного или двух вариантов, выходящих за пределы литературной нормы. В зависимости от меры ненормативности последних нормативно-ненормативные гнезда разделяются на нормативно-мягкконенормативные и нормативно-жесткконенормативные. Ненормативные формальные варианты, входящие в нормативно-мягкконенормативные гнезда, обычно соответствуют живым тенденциям саморазвития языковой системы и нередко отличаются весьма высокой статистической ценностью. Их нормативный изъян состоит, как правило, в разного рода стилистических коннотациях, не вполне совместимых с т.н. литературной нормой. Среди этих коннотаций следует прежде всего отметить устарелый характер (*отд'елит // отд'ел'ит, стенокардия [те // устар. тэ]*), просторечность (*звон'ит // прост. зв'онит, эксп'ерт // прост. 'эксперт*), профессиональную маркированность (*логоп'едия // в речи медиков логопед'ия, к'омпас // в речи моряков комп'ас*) и др. Ненормативные формальные варианты, входящие в нормативно-жесткконенормативные гнезда, характеризуются вызывающе грубым нарушением литературной нормы (в словарях они обычно сопровождаются указаниями «неправильно» или «грубо неправильно»), например, *светопре'ставление // неправильно светопред'ставление, ляг // неправильно ляжь, нач'ать // грубо неправильно н'ачать, инцидент // грубо неправильно инцидент* и т.п.

Таким образом, обусловленное деривационно-порождающей энергией функционирование в языке формальных вариантов – это прямое и исчерпывающее свидетельство того, что язык не просто жив, но и неостановим в своем неуклонном движении к неведомой нам цели. При этом бо́льшую часть отмеченных выше и подобных отступлений от так называемой литературной нормы следует, вероятно, рассматривать прежде всего в качестве либо рецидивов прошлого, либо пролога будущего узуса. Здесь уместно, как мне кажется, вспомнить следующее замечание И.А. Бодуэна де Куртене: «Сегодня

мы знаем, что в языке, так же как и в других явлениях жизни, господствует непрерывное изменение, вечное движение (*παντα ρει*), а влияние факторов, в данный момент бесконечно малых, но постоянно действующих, вызывает коренные изменения» [1: 8].

Как бы то ни было, дальнейшее изучение формальных вариантов слов несомненно позволяет составить более адекватное представление о характере живых процессов в языке и тенденциях развития лексической системы.

Литература

1. Бодуэн де Куртене И.А. Языкознание, или лингвистика, XIX века // Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. II.
2. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
3. Морковкин В.В. Русское слово как объект всеохватного лексикографирования // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова / Под ред. В.З. Демьянкова, Н.М. Азаровой, В.П. Фещенко, С.Ю. Бочавер. М., 2013.
4. Морковкин В.В., Атия А.М. Формальные варианты слова: опыт системного рассмотрения // Язык как материя смысла: Сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой / Отв. ред. М.В. Ляпон. М., 2007.
5. Ольховская А.И. Лексическая многозначность в общелингвистическом и лексикографическом рассмотрении. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Словари

- БАС: Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
 Нор. 1780: Российский с немецким и французским переводами словарь, соч. Иваном Нордстедом. СПб., 1780. Ч. 1, А–Н.
 Полик. 1704: Поликарпов Ф. Лексикон трехязычный, сиречь... М., 1704.
 СА 1789: Словарь Академии Российской: В 6 ч. СПб., 1789–1794.
 СА 1847: Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1847. Т. I–IV.
 СА 1891: Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1891. Т. 1.
 СА 1912: Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1912. Т. 1.
 СГ: Энциклопедический словарь Русского Библиографического института Гранат. М., [s.a.]. Т. 26.
 СД 1880: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1880–1882.
 СТ: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.

V.V. Morkovkin

ABOUT WORD DERIVATIVE-BEGETTING ENERGY

Mental-lingual complex, word energies, word derivative-begetting energy, words formal-semantic expansion, word content diversification, word sound form renovation.

The paper deals with discovering of the sources of language energy, itemizes word energies and presents detailed discussion of word derivative-begetting energy manifestations, including stimulation of words formal-semantic expansion, word content diversification and word sound form renovation.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

Летом 2014 г. ученики Центра образования и развития «Сказка» отправились из Цюриха на каникулы в детский спортивный лагерь «SportCamp», расположенный возле известного греческого курорта Лутрака. Юных путешественников ожидали веселые спортивные игры, морские купания, знакомство с греческой культурой, экскурсии и, конечно, увлекательные вечера с анимационной программой на русском языке.

Наталья Илларионова (Швейцария)